

«БЫВШИЕ ОФИЦЕРЫ-ГЕНШТАБИСТЫ ВЫНЕСЛИ НА СВОИХ ПЛЕЧАХ ВСЮ ТЕХНИЧЕСКУЮ РАБОТУ ПО СОЗДАНИЮ МНОГОМИЛЛИОННОЙ КРАСНОЙ АРМИИ»

АНДРЕЙ ГАНИН,
кандидат исторических наук

«Я ОТ ПЕРЕУТОМЛЕНИЯ БУКВАЛЬНО СВАЛИЛСЯ С НОГ...»

Режим работы генштабистов в Красной армии

В годы Первой мировой и Гражданской войн труд специалистов Генерального штаба был чрезвычайно напряженным и практически ненормированным. Это логически проистекало из факта катастрофической нехватки кадров Генштаба в армии, в результате чего многие специалисты были вынуждены совмещать целый ряд должностей, что, разумеется, резко увеличивало нагрузку. Фактически именно бывшие офицеры-генштабисты вынесли на своих плечах всю техническую работу по созданию многомиллионной Красной армии.

Сохранилось немало свидетельств, касавшихся режима работы офицеров Генштаба и влияния его на их психологическое состояние и здоровье. Условия службы военспецов в Красной армии были крайне тяжелыми, тем более, что бывшие офицеры нередко воспринимались новой властью как заведомые враги, которых нет смысла жалеть, а необходимо использовать до полного истощения их сил и возможностей. Фактически к военспецам относились как к безграничному ресурсу со всеми вытекающими из этого последствиями.

И.И.Вацетис
(1873-1938)

Советский главком И.И. Вацетис вспоминал о работе офицеров-генштабистов в РККА: «Я могу констатировать, что бывшие офицеры генерального штаба несут свои тяжелые обязанности с большим самоотвержением, отда-

ются делу целиком и контрреволюционности в их среде не замечается... среди лиц генерального штаба, особенно занимающих высшие ответственные посты, чувствуется большая усталость, нервная издерганность и упадок энергии. На них смотрят как на необходимое зло, которое временно необходимо использовать, а потом выбросить за борт, как выжатый лимон».¹ Ниже он писал: «в критический момент, когда будут колебаться шансы победы, я очень опасаюсь, чтобы в эту минуту среди издерганных, изнервничавшихся, доведенных до состояния неуравновешенности лиц генерального штаба не начались массовые самоубийства на почве отчаяния».²

Б.М.Шапошников
(1882-1945)

Начальник оперативного управления Полевого штаба РВСР бывший Генштаба полковник Б.М. Шапошников, по воспоминаниям своего сослуживца по Полевому штабу бывшего Генштаба капитана А.В. Панова, «в продолжение рабочего дня (этот день насчитывал не меньше 17-18 часов) ...с неизменно оживленным видом выносил на себе всю сложность оперативной работы, вначале – налаживая ее стройность и полезность, а в дальнейшем – повышая ее производительность... Тяжелые были тогда бытовые условия в Москве. Обыкновенно, закончив свой трудовой день в 4 часа утра, Борис Михайлович возвращался в свою холодную комнату и сам колот дрова и топил печку (а иногда и дров не было). А через 4-5 часов, после «завтрака» из кусочка хлеба с напитком, он уже снова в служебном кабинете. И никто никогда не слышал от него даже намек на какие-либо неудобства и недостатки личной жизни. Наоборот, его всегда видели только веселым, оживленно отзывчивым на каждое явление окружающей обстановки. Рядом с ним забывали о себе и его ближайшие сотрудники, к которым он в то же время относился всегда заботливо и стремился помогать в их нуждах».³

Тот же Панов свидетельствовал, что ночные доклады в Полевом штабе нередко затягивались до 3-5 часов утра, «это объяснялось тем, что к ночи накапливался более существенный материал для доклада, а также и тем, что

Г.И.Теодори
(1887-1937)

Э.М.Склянский
(1892-1925)

к концу доклада и обсуждения событий обычно приходил заместитель председателя РВСР Э.М.Склянский. До его прибытия Главком не решался распускать докладчиков, и потому всем приходилось ожидать Э.М.Склянского».⁴

Известно, что во второй половине 1919 г. сотрудники Полевого штаба работали в оперативном управлении с 10 до 16 часов, а затем с 21 до 23. В административном управлении – с 10 до 17 часов. Однако на практике заявленный график работы не соблюдался, поскольку практиковались ночные вызовы сотрудников или вызовы в обеденный перерыв.⁵

Выпускник ускоренных курсов академии Г.И.Теодори писал о себе и своих товарищах по выпуску: «Все мы издерганы непрерывной работой, переформированиями и гонкой от лица к лицу... неужели достаточно желанья т. Механошина,⁶ чтобы нас бросали из угла в угол...».⁷ Речь шла не только о тяжелой работе генштабистов, но и о единоличных решениях партийных функционеров, из-за которых военспецов произвольно перемещали с должности на должность. Теодори позднее писал председателю ВЧК Ф.Э.Дзержинскому: «Я пишу эту краткую выдержку (вынужденный в целях самообороны) из моей личной колоссальной работы лишь для того, чтобы дать Вам маленькую картину моей трудовой жизни и того, как мне за нее отплачено (подчеркнуто в документе – А.Г.). Число часов моей суточной работы были 17-19: я приходил в 9 час[ов]

К.А.Механошин
(1899-1938)

утра, уходил в 2-3 часа ночи, усталый всегда, либо подвозимый тов. Араловым, либо вместе с тов. Павулан».⁸ Курсовик Г.Я.Кутырев сообщал в 1919 г.: «Мотивы, заставляющие уйти с такого высокого поста – такое страшное переутомление, мне приходится по ночам спать под наркозом».⁹

Курсовик С.К.Сидоровнин писал 20 ноября 1918 г. о своей работе в Высшей военной инспекции: «Здоровье больше не выдерживает беспрестанных командировок, тем более, что все командировки, за исключением Курска, были одиночным порядком, почти всегда в конских вагонах».¹⁰

Работа на местах была ничуть не легче, чем в центре. В штабе Каспийско-Кавказского фронта в марте 1919 г., по свидетельству начальника оперативного управления бывшего Генштаба полковника Е.Н.Ригельмана, работа была организована следующим образом: «Во вверенном мне управлении из четырнадцати положенных по штату специалистов генштаба на службе только один – я. Работниками в управлении за исключением недавно назначенных начальника разведывательного отделения т. Грасид (?) и начальника связи т. Розендзада (?), в достаточной мере знакомых с делом, остальные как по своей подготовке, так и по служебному опыту далеко не соответствуют занимаемым должностям, в особенности писмоводители, коими в большинстве служат совершенно не знакомые с военным делом женщины. При таких условиях мне приходится затрачивать массу времени на разрешение всевозможных мелких вопросов, обучать начальников отделений системе сортировки ... бумаг, исправлять редакции почти каждой исходящей бумаги и т.д. Что же касается таких работ, как составление ведомостей боевого состава войск фронта и черчения схем, составляющих работу начальника оперативного отделения, то эти работы я принужден был составлять сам уже четвертый раз.

Занимаясь в канцелярии с 10 часов почти всегда до трех и с пяти почти [до] 10-11 часов вечера, я едва справляюсь с текущей перепиской, требующей срочного исполнения почти каждой бумаги.

В настоящее время, кроме текущей переписки на меня возложено:

- 1) ведение журнала военных действий (за недостатком опытных помощников эту работу я должен исполнять сам).
- 2) составление обзора деятельности штаба фронта за все время. Эту работу я должен также принять на себя.
- 3) составление военно-географического описания всего района фронта (срочно) к 1 апр.

Для исполнения всех указанных работ, в особенности последней, для которой надо, так

А.А.Самойло
(1869-1963)

М.Д.Бонч-Бруевич
(1870-1956)

А.Д.Троцкий
(1879-1940)

сказать, из-под земли доставать материал, ибо вряд ли в Астрахани найдутся необходимые источники, я должен совершенно уйти от текущей штабной работы, что, полагаю, совершенно невозможно...».¹¹

Командующий 6-й армией А.А.Самойло и его начальник штаба работали до глубокой ночи.¹² С полной отдачей работали и другие сотрудники штаба армии. Начальник разведывательного отделения А.Н.Леонов в феврале 1920 года был даже отпущен в полуторамесячный отпуск по причине сильного переутомления.¹³

Интересно сопоставление напряженности работы в Первую мировую и в Гражданскую войны, свидетельствующее, что в годы последней нагрузки были выше. Так, 28 июля 1918 г. военрук Брянского района П.П.Сытин писал военруку Высшего Военного Совета М.Д.Бонч-Бруевичу из Карачева: «Тяжелая, напряженная работа последних шести месяцев в связи с четырехлетней боевой, строевой службой на войне совершенно подорвали мой организм, и я к ужасу своему почувствовал, что с каждым днем силы мои слабеют. Несмотря на сознание, что работа теперь наиболее необходима, я, тем не менее, должен иметь в виду, что организм человека в моем возрасте может не выдержать, и в этом возрасте его уже не поправишь... у меня семья, а средствами, помимо моего месячного заработка, ничего нет».¹⁴ Сытин отмечал: «теперь обстановка более спокойная, но все же, вставая в 7 часов утра, ложиться приходится не ранее 1-2 час[ов]

П.П.Сытин
(1870-1938)

ночи. Целый день проходит в каком-то кошмаре, и к вечеру совершенно теряешь рассудок от усталости».¹⁵

Курсовик Б.Л.Негродов писал 21 ноября 1919 г. начальнику штаба Приволжского военного округа: «В августе того же (1918 – А.Г.) года я был командирован в Штаб 5 армии, оперировавшей под Казанью. Так как в сущности Штаба армии как такового не существовало, то я по приказанию тов. ТРОЦКОГО взял на себя задачу формирования Штаба армии, и одновременно мне же поручено было сведение в тактические единицы частей войск, действовавших под Казанью.

Во время этой напряженной работы, продолжавшейся круглые сутки, я заболел от переутомления и малярии. Будучи больным, я уехал из армии после взятия Казани, когда я буквально не мог уже двигаться. По выздоровлении я вновь поступил в Штаб Приволжского Военного Округа...».¹⁶

В штабе 8-й армии в дальнейшем Негродов тоже работал буквально на износ: «Условия работы в Штабе армии потребовали огромного напряжения и даже сверхчеловеческой энергии. Так, начиная работу в Штабе с 10 часов, я оканчивал таковую в 3-4, а иногда и в 6 часов утра следующего дня. В феврале 1919 года я был назначен Начальником Штаба этой же армии и пробыл в этой должности до августа месяца настоящего года, когда со мной стали случаться сердечные припадки, и я от переутомления буквально свалился с ног. Таким образом, на Южном фронте я пробыл с ноября 1918 года по август 1919 года, то есть, 10 месяцев, работая по 20 часов в сутки...».¹⁷ Соответственно, если эти данные достоверны, у некоторых генштабистов в годы Гражданской войны рабочий день составлял 17-18 и даже более часов в сутки. Военспец, бывший генерал В.К.Гондель вспоминал, что в штабе вверенной ему 3-й стрелковой дивизии в 1919 г. приходилось напряженно работать, причем сотрудники штаба иногда не спали по несколько суток подряд.¹⁸

В штабе 9-й армии, как сообщал в одной из телеграмм в конце 1918 г. генштабист Н.Д.Всеволодов, «нет ни начальников связи, ни начальников оперативного и разведывательного отделения Генштаба, ни для поручений, всю оперативную работу приходится выполнять мне и начоперод Яцко,¹⁹ не досыпая... энергию, которой, конечно, надолго [не хватит]..., буквально выбились из сил».²⁰ Курсовик Н.Н.Доможиров жаловался своему другу Теодори 11 февраля 1919 г.: «Я несу работу за 10-х за 15-т[ь] человек, но такая работа может вывести и меня из строя, и тогда, смело могу думать, штаб развалится».²¹ Разговор двух военспецов по прямому проводу завершился следующими

Н.В.Лисовский
(1885-1957)

С.И.Аралов
(1880-1969)

словами: «Теодори, пока, всего тебе лучшего, держись, сколько можешь, я сам измотался до галлюцинации во сне. Доможиров, держусь пока крепко, будь здоров, всего наилучшего...». ²² Супруга Доможирова вспоминала, что ее муж работал буквально до обмороков, «отдавая все силы Красной армии». ²³

Разумеется, для нормальной работы генштабистам необходим был отдых. Иногда им разрешались отпуска или перевод на юг, в местность с благоприятным для здоровья климатом и более выгодную в продовольственном отношении. Слушатель курсов академии Г.С.Горчаков 17 октября 1919 г. телеграфировал начальнику штаба Южного фронта: «10 месяцев непрерывно не зная ни дня отдыха с утра до глубокой ночи бессменно отдавая всю свою энергию, знание и ум, я нес в тяжелых условиях работу по должности нач[альника] оперативного отделения, начальник[а] оперативного отдела и наштарма 8. За 10 месяцев службы сменился весь состав оперативного отдела армии и все ответственные работники оперода, кроме меня, имели отпуск. [В] настоящее время я окончательно подорвал на службе свое здоровье и в силу колоссальной переутомленности могу дать лишь минимум работы, [в] ту войну в течение 2-х с лишним лет так же нес сложные обязанности, работая по оперативной части и был дважды тяжело ранен. Взываю к справедливости и человечности, прося зависящих распоряжений сменить меня и предоставить крайне необходимый отпуск на предмет пополнения здоровья (так в документе – А.Г.) и обращаюсь не по команде в силу того, что много раз обещанный мне отпуск реввоенсоветом армии остается лишь обещаниями. Врид наштарма 8 Горчаков». ²⁴ Месячный отпуск военспецу тогда был разрешен.

Видный военспец, в прошлом Генштаба генерал от инфантерии В.Н.Клембовский 31 мая 1920 г. обратился к заместителю председателя РВСР Э.М.Склянскому: «22-го мая я назначен для поручений при помощнике Главнокомандующего всеми вооруженными силами Республики. Через 3 1/2 недели мне исполнится 60 лет, и этот возраст дает себя чувствовать: нет прежней энергии и трудоспособности; устаю; память не так крепка, как прежде; раны и контузия вызывают порою болевые ощущения, в особенности, в зимнее время; слух, пострадавший от 6-летнего участия в 2-х кампаниях, с очень частым пребыванием в боях на артиллерийских позициях, притупляется; наконец, нервное напряжение, как результат деятельности в двух войнах и всего пережитого во время революции, подорвали здоровье и силы мои. При таких условиях я не чувствую себя способным исполнять обязанности, возлагаемые на меня новой должностью, в той мере, как это необходимо для пользы Родины в переживаемое

это серьезное время. Но я еще не утратил способности к спокойной кабинетной работе: военно-научные исследования и труды, а равно педагогическая работа по подготовке Красных офицеров увлекают меня и поддерживают во мне бодрость. По отзывам военно-педагогического персонала, самих обучаемых и командного состава тех частей, в коих я вел занятия по тактике, по военной игре и по изложению партизанских действий, эта деятельность моя приносит хорошие плоды.

Моя жена, страдающая сердечными припадками, не будет в состоянии перенести переезд на дальнейшее новое предназначенное мне местожительство; мне придется ехать одному, оставив жену и падчерицу, находящуюся на Советской службе, здесь в Москве, что не может не отразиться неблагоприятным образом на моем душевном настроении, а, следовательно, и на моей работе.

Все вышеизложенное побуждает меня убедительно просить об отмене моего назначения в Омск и об оставлении меня в Москве на занимаемой мною должности ответственного редактора Военно-Исторической Комиссии, с правом продолжать преподавание по военным предметам в военно-учебных заведениях, а, если возможно, то и члена Военно-Законодательного Совещания при Реввоенсовете Республики». ²⁵ Склянский наложил резолюцию: «В виду острой нужды Сибири в серьезных военных силах прошу ускорить отъезд В.Н.Клембовского в Сибирь», но уже через несколько дней Клембовского решили направить на юг.

Однако случалось, что некоторых военспецов со службы не отпускали, что приводило подчас к драматическим ситуациям. Так, начальник 54-й стрелковой дивизии генштабист Н.В.Лисовский 20 октября 1919 г. обратился к командующему 6-й армией с просьбой об отдыхе: «Я, работая непрерывно на Севере полтора года и более 14 месяцев на фронте, не имел ²⁶ дня отдыха. Неоднократные переброски с фронта на фронт, тяжелые условия боевой обстановки на Двине летом этого года и последнего наступления расстроили мое здоровье и нервы. Должность Наштарма требует полного напряжения сил и энергии, чего я сейчас дать не могу и о чем как старый солдат честно заявляю. Я никогда не отказывался ни от каких поручений, как бы они ни были тяжелы, раз я был в силах их выполнить. На Двину уехал после серьезной болезни, раз этого требовала обстановка, но это было последнее напряжение моих сил... по долгу доношу, что без продолжительного отдыха не могу взять на себя столь ответственного поста...». ²⁷ Речь шла о назначении Лисовского начальником штаба армии. Отказываясь от назначения, генштабист просил командарма Самойло о трехнедельном отпуске. Тем не менее, с 27 октября он считался исполняющим должность начальника штаба

армии. Ситуация с Лисовским приобрела форму достаточно серьезного конфликта. Дело в том, что до декабря 1919 г. он так и не принял должности начальника штаба армии и даже телеграфировал, что в связи с болезнью жены не может этого сделать. Самойло, однако, не собирался ему уступать и вынужден был пойти на крайние меры – 15 декабря он издал приказ, направленный специально на обуздание своеволия Лисовского о недопустимости отказа от повышения по должности, причем при повторном отказе полагался ревтрибунал. В сопроводительной записке Самойло указал: «Н[ачальнику] шт[аба]. Пр[ошу] заготовить приказ по поводу только что бывшей канители с назначением т. Лисовского (не указывая именно с кем произошло) – о невозможности и недопустимости таких отказов и каждое распоряжение должно исполняться беспрекословно. 14/ХІІ. С[амойло]». ²⁸ В результате Лисовскому ничего не оставалось, как подчиниться. ²⁹ Со 2 января 1920 года он приступил к работе по новой должности.

Генштабист Н.Д. Всеволодов просил о переводе его на Кавказ и предоставлении полутраimesячного отдыха, но постоянно под разными предложениями (до формирования штаба, до окончания операции и т.д.) получал отказы, наконец, в феврале 1919 года его прошение было отклонено категорически. ³⁰ Тогда он решил пройти медицинское освидетельствование и в феврале 1919 г. даже сказал другому генштабисту А.С.Ролько в телефонном разговоре: «Опечален, что фронт меня не пускает, но он не имеет права держать больного инвалида». ³¹ Последний раз Всеволодов отправил просьбу о переводе на Кавказ даже с понижением 5 апреля 1919 г., но ему вновь было отказано. ³² Судя по всему, Всеволодов понял, что большевики просто хотят его использовать в своих интересах до полного истощения. Осознав это и столкнувшись с абсолютным нежеланием командования идти ему навстречу, он, будучи командующим 9-й армией, перешел на сторону белых.

Несмотря на тяжелейшие служебные нагрузки, генштабисты Красной армии всегда находились под дамокловым мечом арестов и репрессий, как правило, ни на чем не основанных, что лишь усиливало атмосферу невротности в их работе. ³³ От репрессий не был застрахован никто: ни младший работник штаба дивизии, ни главнокомандующий. Аресты не только вырывали военспецов из рабочей обстановки, но наносили серьезный удар по их здоровью. В тюремном заключении у бывших офицеров возникали тяжелые заболевания. Освобожденные из-под ареста нередко нуждались в лечении, отдыхе и хорошем питании для восстановления сил.

В целом режим работы военспецов-генштабистов РККА был предопределен чрезвычайной обстановкой Гражданской войны, в которой не-

нормированная работа ложилась на военспецов тяжким бременем, что усугублялось недоверием и пренебрежением к военспецам со стороны большевиков и красноармейской массы, а также, во многом, потребительским отношением военно-политического руководства Советской России к этим ценным специалистам.

Примечания

- 1 РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 6. Л. 236.
- 2 Там же. Л. 237-238.
- 3 РГВА. Ф. 39352. Оп. 1. Д. 11. Л. 41-42.
- 4 Панов А. В полевом штабе РВСР // Военно-исторический журнал. 1962. № 7. С. 70.
- 5 РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 924. Л. 216.
- 6 Механошин (Мехоношин) Константин Александрович (30.10.1889-07.05.1938) – в этот период – член РВСР, член РВС Южного фронта.
- 7 РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 910. Л. 78.
- 8 РГВА. Ф. 33221. Оп. 2. Д. 216. Л. 11об. Аралов Семен Иванович (18.12.1880-22.05.1969) – начальник оперативного отдела наркомата по военным делам, затем – член РВСР; Павудан Валентин Петрович – сотрудник оперативного отдела наркомата по военным делам.
- 9 РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 918. Л. 394об.
- 10 РГВА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 132. Л. 208.
- 11 РГВА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 85. Л. 4-5.
- 12 РГВА. Ф. 188. Оп. 3. Д. 719. Л. 377.
- 13 РГВА. Ф. 188. Оп. 3. Д. 734. Л. 36.
- 14 РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 57. Л. 180.
- 15 Там же. Л. 180-180об.
- 16 РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1009. Л. 229.
- 17 Там же. Л. 229-229об.
- 18 РГВА. Ф. 612. Оп. 1. Д. 49. Л. 24.
- 19 Яцко Иван Васильевич (24.12.1880-?) – Получил домашнее образование, окончил Виленское пехотное юнкерское училище и Николаевскую академию Генерального штаба по 1 разряду (1909). На службе с 29.08.1899. Участник русско-японской войны. В 108-м пехотном Саратовском и в 148-м пехотном Каспийском полках (командир роты в период 12.11.1909-12.11.1911). Участник Первой мировой войны. Старший адъютант штаба 20-й пехотной дивизии (26.11.1911-18.09.1912). Старший адъютант штаба Кавказской гренадерской дивизии (с 18.09.1912). Помощник старшего адъютанта отдела генерал-квартирмейстера штаба 3-й армии. И.д. штаб-офицера для поручений отдела генерал-квартирмейстера штаба 3-й армии. Старший адъютант отдела генерал-квартирмейстера штаба 3-й армии (с 05.12.1915). И.д. начальника штаба 75-й пехотной дивизии (с 10.06.1916 до демобилизации). Последний чин в старой армии – полковник. Участник Гражданской войны. Служащий отдела государственных театров (Петроград). На службе в РККА добровольно с весны 1918 г. Командирован на Южный фронт. Начальник оперативного отдела штаба 9-й армии. По личной просьбе переведен в штаб 6-й армии (01.04.1919). Начальник оперативного управления штаба 6-й армии (с 01.04.1919 и с 27.10.1919). И.д. начальника штаба 6-й армии (с 23.05.1919, на 08.1919, на 15.09.1919, 15.11-15.12.1919). Вр. командующий 6-й армией (19-21.06.1919). В командировке в штаб

Балтийского флота и 7-ю армию (с 16.12.1919). И.д. начальника оперативного управления штаба 6-й армии. Начальник военной части Петроградского военного округа (с 04.02.1920-15.11.1920). Штатный преподаватель петроградских курсов действующих родов войск. Штатный преподаватель Высшей кавалерийской школы (с 26.11.1920). Награды: Св. Анны 4-й ст. с надписью «За храбрость» (1905), Св. Станислава 3-й ст. (1913, утвержден 16.05.1914).

20 РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 910. Л. 205.

21 РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 912. Л. 77.

22 Там же. Л. 77об.

23 РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 304. Л. 22.

24 РГВА. Ф. 100. Оп. 3. Д. 498. Л. 311-311об.

25 РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 917. Л. 281-281об.

26 В документе несогласованно «не имея» – А.Г.

27 РГВА. Ф. 188. Оп. 3. Д. 719. Л. 379.

28 Там же. Л. 439.

29 Там же. Л. 415-416, 425, 438.

30 РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 912. Л. 43-44, 59, 74, 81.

31 Там же. Л. 225об.

32 Там же. Л. 293, 312.

33 Подробнее см.: Ганин А. «Товарищ Склянский – заступитесь...»: Генштабисты и чекисты в Гражданскую войну // Родина. 2009. № 1. С. 78-83.

Об авторе

Ганин Андрей Владиславович – кандидат исторических наук, военный историк, исследователь истории Гражданской войны в России и русского офицерского корпуса. Окончил с отличием исторический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова. Редактор отдела военной истории российского исторического журнала «Родина», руководитель семинара по истории России в МГУ им. М.В. Ломоносова. Автор свыше ста научных трудов по военной истории России конца XIX-первой четверти XX в., в том числе монографий «Черногорцы на русской службе: генерал Бакич», «Атаман А.И. Дутов», «Накануне катастрофы» и биографического справочника по офицерскому корпусу Оренбургского казачьего войска в 1891-1945 гг. (в соавторстве). В настоящее время в Москве готовится к печати биографический справочник А.В. Ганина «Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны 1917-1922 гг.».

В статье использованы фотокопии из журнала «Военно-исторический архив»